

Олег Смыслов

РАССТРЕЛЯТЬ ПЕРЕД СТРОЕМ...

АНТОЛОГИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Олег Сергеевич Смыслов
Расстрелять перед строем
Серия «Антология предательства»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17128867

Расстрелять перед строем.../ Смыслов О.С.: Вече; Москва; 2015

ISBN 978-5-4444-7980-3

Аннотация

Новая книга О.С. Смылова рассказывает о малоизвестных и трагических страницах Великой Отечественной войны – о репрессиях в РККА в военные годы. В центре повествования судьбы генералов и офицеров 1-го Украинского фронта. Автор показывает, как зачастую обстоятельства и незначительные проступки обеспечивали работой военные трибуналы, не знавшие жалости к сослуживцам. Многочисленные документы и свидетельства органично дополняют книгу, формируя образ советских воинов и репрессивных органов СССР в годы войны.

Содержание

От автора	4
Глава 1	6
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Олег Смыслов

Расстрелять перед строем...

*Светлой памяти ветерана Великой
Отечественной войны, офицера пехоты
Александра Захаровича Лебединцева
посвящается*

От автора

Эта книга никогда не была бы написана, если бы не знакомство с Александром Захаровичем Лебединцевым, председателем Совета ветеранов 38-й стрелковой дивизии и основным автором книги «Отцы-командиры». Состоялось оно в декабре 2005 года, когда Александр Захарович разыскал меня по служебному телефону.

С этого момента все последующие три года до его смерти, как всегда неожиданной, мы часто встречались или же по долгу общались по телефону, когда кто-то из нас был сильно загружен делами.

Александр Захарович был очень активным человеком и ветераном, и собеседником. Его цепкая память сохранила превеликое множество эпизодов той войны. Он мог детально

рассказывать о боях и походной жизни бойцов и командиров матушки-пехоты.

Но красной линией в его рассказах очень часто звучала январская трагедия 1944 года, когда его 38-я стрелковая дивизия вместо наступления сначала попала под сильнейший контрудар немцев, а затем оказалась в окружении. Командир дивизии полковник Коротков вскоре был обвинен в измене Родине и расстрелян перед строем.

Александр Захарович часто просил меня когда-нибудь написать об этой истории отдельную книгу, и, прекрасно зная о том, что дело Короткова до сих пор является совершенно секретным, он был убежден, что мне обязательно удастся в ней разобраться.

На каждую встречу ветеран обычно приносил мне редкие книги, статьи, публикации и даже копии документов. Только потом я понял, что все это делалось с одной целью – убедить меня в необходимости заняться этой темой...

И сегодня я выполняю просьбу А.З. Лебединцева.

Глава 1

ГИМО СССР (1960—1970-е годы) и одни мемуары

1

Александр Захарович свою, что называется, дембельскую службу проходил старшим инспектором оперативно-планового отдела Главной инспекции Министерства обороны СССР. Перевелся он туда в 1969 году из Управления боевой подготовки Группы советских войск в Германии. Но так как место было не просто «блатное» – Москва, но еще к тому же и ГИМО СССР, то ему не раз приходилось одаривать заграничными подарками своего знакомого из Главного управления кадров. Однако место и должность того стоили.

Кабинет был небольшим: два сдвинутых стола, несколько допотопных телефонов, два мощных стальных сейфа для документов, казенные старенькие шкафы, крашенные стены, на которых в гордом одиночестве возвышались генеральный секретарь ЦК КПСС, министр обороны и карта СССР, самая обыкновенная люстра, паркетный пол, – словом, никаких излишеств. Рассчитан он был на двух офицеров в звании

полковника.

До Александра Захаровича в этом казенном «жилище» в установленное служебное время обитал точно такой же старший инспектор, без особой суеты дожидавшийся законной пенсии. Но ему пришлось уволиться несколько раньше запланированного им времени. И вот почему.

В то время Главным инспектором Министерства обороны СССР, а точнее, «вечным Главным инспектором», был Маршал Советского Союза К.С. Москаленко (с 1962 г. по 1983-й). И вот однажды он решил написать свои мемуары. Написано их было уже превеликое множество. Наступил и его черед. А уж рассказать маршалу было что: в Красной Армии он служил с 1920 года, где прошел все ступени, от командира огневого взвода артиллерийской батареи до начальника артиллерии корпуса. В 1940-м стал генералом. В войну командовал последовательно 1-й артиллерийской противотанковой бригадой РГК, стрелковым и артиллерийским корпусами, общевойсковыми армиями. Выслуги, как говорится, «столько не живут», да и в маршальском звании выслуга немалая: на 1970 год пятнадцать календарей стукнуло.

О таком боевом пути писать нужно однозначно и бесповоротно. Но как, если всю жизнь командовал, рос в званиях и должностях, воевал, побеждал, а за партой последний раз сидел в 1939 году, да и то на факультете усовершенствования высшего командного состава Военной академии им. Ф.Э. Дзержинского. До этого в 1928 году на курсах усо-

вершенствования командного состава артиллерии РККА. И самый первый раз в 1922-м на артиллерийском отделении школы червонных старшин. И вот прикинул маршал, что самому никак не написать: нет ни божьего дара, ни времени, ни здоровья, ни сил. Но слышал он, что в таких случаях авторы будущих мемуаров обращаются к талантливым и подготовленным в этом плане людям. Те собирают материал и пишут за авторов однотомные, а если надо, то и многотомные воспоминания. Словом, насколько хватит этого самого материала.

Почти точно также поступил и маршал Москаленко. В один прекрасный или не очень прекрасный день он вызвал к себе старшего инспектора и предложил ему поработать над своими мемуарами. Не молодой уже полковник, прекрасно понимая, что просьба маршала звучит как приказ, а его выполнение связано с титанической и абсолютно не желаемой для него работой, тут же заявил, что собирается уходить в отставку. После недолгого разговора маршал и полковник расставили все точки над «и». Последний увольнялся на пенсию гораздо быстрее, чем этого ему хотелось, а первый попросил подыскать ему более сговорчивого офицера, который мог бы беспрекословно справиться с задачей написания его мемуаров.

Именно таким человеком оказался сосед Александра Захаровича по кабинету. В Главную инспекцию его перевели из Центрального архива Министерства обороны, дали пол-

ковника, хороший оклад (что-то в районе командира корпуса), квартиру в Москве. Но самое главное – у него был опыт архивной работы, возможности быстрого поиска документов и, безусловно, желание. Естественно, своими прямыми обязанностями по должности он не занимался. Звали его Иван Дмитриевич. На момент появления Александра Захаровича он уже завершил работу над первой книгой мемуаров маршала и приступил к работе над второй.

2

Официальный автор мемуаров – человек, безусловно, заслуженный, дважды Герой Советского Союза, причем если одну Золотую Звезду он получил в 1943-м, то вторую в 1978-м, к юбилею Вооруженных Сил. Но какая нам разница теперь? Заслуги-то были.

Другое дело – возраст, давно уже как пенсионный. А маршалы, как известно, умирают на службе. Не важно, скучная она или не очень, все же какая-то работа, продлевающая жизнь. Вот и маршал Москаленко каждое утро просыпался в одно и то же время, умывался, неизменно надевал военную форму со всеми атрибутами маршала, завтракал, потом спускался на лифте, выходил на улицу, садился в заднюю дверь черной «Волги» и выезжал напрямик к себе в Главную инспекцию.

Александр Захарович был человеком наблюдательным и

не мог не отметить, что маршал ни на одном из партсобраний не выступал, перед инспектированием проводил инструктажи по «шпаргалке», написанной все тем же оперативно-плановым отделом. А особенно старший инспектор любил вспоминать одну из проверок июня 1971 года:

«Министр обороны решил произвести инспектирование НИИ Ракетных войск и ГУКОСа, так как эйфория по поводу нашего первенства в космосе была побита высадкой американцев на Луне и благополучным возвращением их астронавтов на Землю. Я попал в команду генерал-лейтенанта Рыжкова в качестве начальника-штаба группы в НИИ ГУКОСа.

На заслушивание доклада начальника института – генерал-лейтенанта, доктора наук и лауреата Ленинской премии – прибыл Москаленко. Он сразу задал вопрос, почему мы не смогли не только опередить американцев, но еще и не готовы к этому. Начальник очень невнятно обещал ускорить, но маршал махнул рукой и удалился. Когда мы остались наедине, я спросил: Так почему же она не стреляла? – Знать, не заряжена была, – ответил он, закуривая и волнуясь. Успокоившись, он указал на рядом сидевшего генерал-майора, тоже доктора наук, лауреата Госпремии, и сказал: «Это мой заместитель по науке, он вместе со мною являлся основателем и руководителем этого НИИ. Защищался, стал генералом. В НИИ только две генеральские должности. Но Главкому РВ-СН маршалу Н.И.Крылову захотелось своего сына, полков-

ника автомобильных войск сделать генералом. Добился введения в этом институте никому не нужного заместителя начальника по общим вопросам в генеральском звании. А так как по штатному расписанию им полагалось только два генерала, то должность заместителя по науке свели до полковничьей, утешая первого, что он ничего не теряет ни по должности, ни в окладе. Так и сделали.

Отставание он объяснил тем, что больше половины научных работников из 200 по штату совершенно не способны к научной работе и попали в институт таким же путем, как маршальский сын. Многие даже на папиных служебных лимузинах приезжают на службу, на которой только и способны на “подай-принеси”, да во время обеденного перерыва забивать мяч. Отдачу дают только капитаны и майоры. Одному капитану по значимости кандидатскую диссертацию засчитали как докторскую. Если бы моя власть, я бы оставил только одну четверть, повысил им зарплату, и наука двинулась бы вперед.

Маршал Москаленко, выслушав наш доклад, приказал непременно отметить этот факт в акте. Но когда начали составлять представление министру обороны, то он исключил соответствующую фразу, заявив: “Что ж, если отец – маршал, так его сыну и генералом не быть?” О научных сотрудниках и комментировать не стал, посчитал это излишним. Кстати, именно во время нашей проверки нас разбудили на рассвете и пригласили в ЦУП для демонстрации возвраще-

ния на землю троих космонавтов. Сначала прекратилась с ними радиосвязь. Объяснили, что спускаемый аппарат зашел за “шарик”, потом высказали версию, что сгорели антенны в плотных слоях атмосферы, и предложили идти “досыпать”. После завтрака, уже на проходной, узнали о трагической судьбе троих космонавтов из-за разгерметизации люка спускаемого аппарата».

3

В 1995 году генерал-лейтенант В.Н. Котов опубликовал свои мемуары «Память и боль: Невостребованные откровения офицера Генерального штаба». В этих «Невостребованных откровениях» он вспоминает о многочисленных встречах с видными военачальниками. Одним из них оказался и Маршал Советского Союза К.С. Москаленко:

«В салоне самолета генерал армии С.М. Штеменко, начальник Главного штаба ОВС. В полете он обязательно беседовал по душам. Сергей Матвеевич первым делом справился о делах Генштаба, где он долгое время работал на различных должностях, в том числе в годы Великой Отечественной. Как бы мимоходом спросил о том, посмотрели ли мы те документы, которые подготовлены нашим членом Военного совета ОВС маршалом Кириллом Семеновичем Москаленко, точнее, Главной инспекцией Министерства обороны, генеральным инспектором которой он считался, одновремен-

но исполняя обязанности заместителя министра обороны.

Москаленко – известный военачальник Великой Отечественной войны. Правда, воинские звание маршала было присвоено ему в последнее время как-то неожиданно и загадочно для многих. Знаток военного дела и войсковой службы. При инспектировании частей был всегда строг и придирчив. Однако и у него были свои особенности».

«На Военном совете в Будапеште обсуждение и принятие решения по вопросу о разведке прошли гладко, если не считать того, что маршал Москаленко то порывался несколько раз взять на себя обязанность прочесть текст, то передавал его разведчику, генерал-лейтенанту Ткаченко. А все дело было, как выяснилось, в мелком тщеславии. Очередность выступления, как и размещение делегаций за столом заседания, осуществлялась в алфавитном порядке – болгарская Народная армия, венгерская Народная армия, национальная народная армия ГДР, Войско Польское, румынская Народная армия, Вооруженные Силы Советского Союза и чехословацкая Народная армия. Замыкал весь этот строй штаб ОВС. Ранг выступающего от нашей делегации определялся так: если выступали от других армий заместители министров или начальники генеральных (главных) штабов, то Москаленко считал своей обязанностью докладывать на Совете, если выступали рангом ниже, то от нашей делегации выходил на трибуну равный по должности.

Но так как на этот раз ораторы выступали вразброс, слов-

но карты в колоде, то Кирилл Семенович то “подгребал под себя” материалы, собираясь выступить, то отодвигал их к Ткаченко, давая понять, что тот должен пойти с текстом на трибуну. Наконец слово предоставили главе румынской делегации, генерал-полковнику Николеску. Тогда маршал Москаленко, выхватив текст, направился к трибуне, встретившись добрым взглядом с главой румынской делегации: знаем-де, кому и в каком ранге произносить речь.

Но не успел он прочитать последнее слово на высокой ноте, как Якубовский объявил выступающего от чехословацкой армии в звании... генерал-майор. Кирилл Семенович, как-то осуждающе глянул на Главкома, сошел с подставки трибуны, пользуясь ею из-за малого роста. Самолюбие его было уязвлено...

А к вечеру обширный номер маршала Москаленко превратился в буквальном смысле слова в базар. Военторг Южной группы войск был, что называется, поставлен на ноги, предлагая свои дары высокому гостю...»

«Приземистый ухоженный особняк, с небольшим двориком и скудной зеленью, встретил нас радостно. Взятый из моих рук портфель не оставил сомнений в том, что мне здесь следовало поселиться. Через прихожую, обширный холл меня провели в небольшой кабинет с широким письменным столом и шкафами, заполненными книгами на венгерском языке. Есть ли у меня к нему вопросы, спросил сопровождавший венгр на ломаном русском языке. И, как бы извиня-

ьясь, офицер-переводчик сообщил, косясь на другую половину этого обширного коттеджа:

– Здесь будет располагаться также маршал Москаленко. Питаться будете с ним вместе.

Особняк предназначался для главы советской делегации. Но вот почему и меня сюда вселили, было загадкой для всех, кроме меня...

Осмотрел апартаменты, вероятно, не очень состоятельно-го бывшего венгерского хозяина. Подкатила “Волга”. Из передней двери выскочил полковник, услужливо открывая заднюю дверь, откуда вышел маршал Москаленко. Подойдя к нему, я доложил обстановку. Он снисходительно выслушал, дав понять, что все кончено и мне надлежит оставить его в покое.

– Можете отправляться в гостиницу. До встречи на Военном совете, – сказал он и протянул свою руку.

– Товарищ маршал, но меня разместили здесь. Мне некуда ехать. Так распорядились устроители.

– Как так? – удивленно спросил он, смерив меня злым взглядом. Так и ушел он молча к себе, ничего не сказав, вроде бы униженный и оскорбленный тем, что к нему подселили какого-то генерал-лейтенанта, от чего страдало его величие полководца.

Думая, как мне быть в этой дружеской стране в такой обстановке, пошел на свою половину. Услышав звон посуды, легкие вкрадчивые шаги обслуживающего персонала и ка-

кие-то команды полковника Д., поспешил помыть руки, чтобы не опоздать к обеду. Но что-то щемило на душе. Не к добру было молчание маршала при встрече. Но все равно надо обедать. Однако на обед меня не пригласили. Значит, о том было указание Москаленко. Унизительно и оскорбительно было наблюдать проявление столь мелкого самолюбия главы делегации. Трапеза между тем закончилась. И он ушел к себе, так как наступило время “адмиральского” часа. И только после этого раздался стук в дверь. Венгр приглашал в столовую. Отказаться было неудобно.

Это была какая-то месть или желание выжить меня из особняка. Но куда выехать, если устроители распорядились так...

К парадному подъезду, лаская асфальт резиной и шипя, подкатила машина. Надо было отправляться в город для участия в протокольном ритуале возложения венков...

...По устойчивой армейской традиции младший по званию и должности должен ожидать старшего. Выхожу во двор раньше. Жду маршала с надеждой на его приглашение сесть в машину. А если откажет – придется ждать другую машину.

Выход Москаленко обставляется с большой помпой. Сначала выскакивают порученцы и адъютант с озабоченными и тревожными лицами, отрывисто переговариваясь и загадочно переглядываясь. Заглядывают в дверь, как ошпаренные, отскакивают: идет, идет!.. С мыслями о том, посадит ли он меня в свою машину и на чем мне добираться в противном

случае, стою и я. Маршал небольшого роста, с бледным лицом, бесцветными глазами, блуждающим взглядом, согбенный.

Услужливо распахнулась дверца, его величественно усадили. Недовольно фыркнула мотором машина и выскочила из ворот...

С чувством обиды и досады перед таким явным барством поплелся к себе, чтобы вызвать машину. Оказалось, что протоколом мое место определено в машине вместе с Москаленко. Чтобы не выставить себя и маршала в невыгодном свете, объяснил, что, мол, опоздал с выездом. И пока на другом конце искали выход из создавшегося положения, вернулся переводчик и пригласил поехать вместе с ним в его машине. Он, венгерский офицер, никак не мог понять всю нелепость поведения нашего маршала...

Во второй половине дня началось заседание Военного совета. Главком ОВС В.Г. Куликов чеканным, командирским голосом, поглядывая в лежащий перед ним текст, с большими полями, с ударениями в словах, объявил о начале работы. Как ни странно, мое место рядом с Москаленко, обозначенное табличкой, оказалось не занятым. Подумал, что и здесь он постарается отдалить от себя Генеральный штаб, посадить сюда своего порученца. Но тот сидел во втором ряду, хотя ему вообще не положено было здесь быть.

Сел рядом, но со стороны насупленного, чем-то недовольного Москаленко не удостоился даже взгляда.

В первый же перерыв Москаленко подошел к Главкому и стал втолковывать ему что-то, как мне показалось, касающе-ся меня, так как смотрел в мою сторону.

Вскоре этот странный случай стал известен другим делегациям, вызвав всеобщее недоумение. К моему удивлению, мне высказывали сочувствие члены болгарской, чехословацкой, немецкой и польской делегаций, знавшие меня по совместной работе по перевооружению их армий.

Как мне рассказал Анатолий Иванович Грибков, действие разыгрывалось прямо-таки по законам драматургии, с завязкой и развязкой. Сначала Куликов позвал своего начальника штаба и справился у него, кто занимается размещением делегаций. Тот, естественно, ответил, что размещением и обеспечением всем необходимым для работы занимается та страна, в которой проводится заседание Военного совета. В данном случае за это отвечала венгерская Народная армия, точнее – ее Генеральный штаб. Штаб ОВС к этому отношения не имел.

Пригласили венгерскую сторону в лице государственного секретаря по оборонным вопросам генерал-полковника Чема Кароя. Тот сказал, что они при размещении делегаций исходили лишь из обыкновенного уважения к советскому Генеральному штабу, в частности, к его представителю – заместителю начальника Главного оперативного управления. Ну и, конечно, думали об удобстве работы главы делегации, у которого был бы рядом представитель Генерального штаба.

Как мне потом доверительно сообщил Грибков, Москаленко в возбужденном состоянии бросил в лицо Куликову: “Вы что, приставили шпионить за мной Генеральный штаб?!”

И Главком не устоял, заколебался, попросив Грибкова поговорить со мной. Но тот решительно отказался идти на мелкие поблажки маршалу. Тогда Куликов обратился к венгерской стороне с просьбой перевести меня в другое место. Дело было за тем, какую форму для моего выдворения найти.

До вечера на Совете просидел рядом с Москаленко, ни разу ко мне не повернувшись, не проронившим ни слова. Только насупленный взгляд да неподвижное лицо выдавали его недовольство.

На Совет в качестве информации выносился вопрос деятельности НАТО. Согласно предложенной ранее повестке, он не подлежал обсуждению и лишь принимался к сведению. Однако совершенно неожиданно попросил слово от болгарской Народной армии генерал-полковник А.Г. Семерджиев. И после его выступления завязались обсуждение и дискуссия. Не отстали от него венгры, немцы, поляки...

Разумеется, у Москаленко не было никакой заготовки для выступления по такому вопросу, и он с недоумением стал смотреть по сторонам, как бы ища сочувствия, но не обращая внимания на меня. На всякий случай, если предложат выступить мне, я тут же стал набрасывать для себя тезисы

выступления.

На трибуну между тем вышел глава румынской делегации Николаеску. Очередь – за Москаленко. Натужно выкарабкиваясь из кресла, он подошел к Куликову, и оттуда донесся шепот: как же так – обсуждение не предусмотрено планом и нет никакого заготовленного текста. Слышалось настойчивое возражение Главкома... И только тут, сев на место, маршал наконец-то повернул голову в мою сторону и увидел придвинутый листок с тезисами, которые он стал переносить к себе.

На трибуну он шел, видимо, как на эшафот. Его голос то падал до шепота, то вдруг взрывался под недоуменные взгляды присутствующих, особенно представителей братских армий. Отчетливо слышались лишь обращения к залу: “Товарищи генералы и офицеры, товарищи члены Военного совета...” Но далее ничего, ровным счетом ничего невозможно было разобрать. Вряд ли он и сам что-то понимал из переписанных наскоро тезисов, ведь без написанного текста он выступать, по-видимому, не привык.

В перерыве маршал Москаленко подошел ко мне и справился, как я устроился на новом месте. На это я ничего ему не ответил, тем самым дав понять, как я отношусь к нему.

По возвращении в Москву тотчас же доложил начальнику Главного оперативного управления генерал-полковнику С.Ф. Ахромееву весь ход заседаний Военного совета, не преминув сообщить о казусе с размещением представителя

Главного управления и об отношении маршала Москаленко к Генеральному штабу вообще».

4

В отличие от множества других мемуаристов генерал армии А.В. Горбатов свои собственные писал простым карандашом и, как правило, на обороте листов, уже заполненных машинописным текстом. Да и появился он в редакции «Нового мира» с рукописью несколько необычно для своего воинского звания.

«Бывало, появлению самого предшествовала вереница адъютантов, порученцев, вестовых, передававших красиво оформленную рукопись, – пишет о знакомстве сотрудников “Нового мира” с Александром Васильевичем В.Я. Лакшин. – А случилось, именитый чинами и заслугами автор так и не переступал порога редакции: подтянутые лейтенанты или аккуратные майоры, отдавая честь, заезжали за верстой, спустя день-два привозили ее назад, а по выходе номера появлялись за авторскими экземплярами. Вот и все общение с авторами».

Сам А.Т. Твардовский восторженно говорил о Горбатове: «Какая судьба! Какой нравственный человек!»

С октября 1941 года по июнь 1942 года автор мемуаров «Годы и войны» командовал 226-й стрелковой дивизией, участвовавшей в боевых действиях на Украине. Дивизия от-

ступала к Харькову. Там же, под Харьковом, недавно возвращенный с Колымы генерал вступил в конфликт с новым командармом Москаленко. Тем самым, который впоследствии станет маршалом. Вот как об этом вспоминает сам генерал армии Горбатов:

«В день наступления была необычно сильная по этим местам пурга, в двадцати метрах ничего не было видно. Командиры взводов не видели своих людей, роты и батальоны были не управляемы, поэтому наступление у нас и у соседей не увенчалось успехом. В восемнадцать часов я доложил командарму о неудаче.

– Кому вы служите? – спросил в ответ командарм.

– Служу советскому народу и нашей партии, товарищ генерал, – ответил я. – Разрешите мне доложить свое мнение...

– Короче! Что вы предлагаете? – перебил меня командующий. – Отменить наступление вашей дивизии?

– Нет, я не этого хочу, – ответил я и продолжал: – Противник, имея стрелков и пулеметчиков в каждой из ста пятидесяти хат на фронте в два с половиной километра, занимает очень выгодное положение, а мы будем вынуждены подставлять себя под огонь. Поэтому наступление в лоб на этом участке нецелесообразно. Сомневаюсь, чтобы мои соседи своими силами овладели Рубежным и Старым Салтовым.

– Вы очень плохого мнения о своих соседях, посмотрите лучше на себя, – заметил командарм.

Я продолжал, не обращая внимания на этот выпад. Предложил сначала усилиями двух дивизий – правого соседа и нашей – овладеть одним Рубежным...

После небольшой паузы услышал:

– Не возражаю, договоритесь с Тер-Гаспарьяном, только не тормозите выполнение моего общего приказа.

Окончив разговор, я был в недоумении: почему такой тон, почему оскорбления? Ведь командующий меня совсем не знает, только позавчера мы прибыли в его подчинение...

Как я и ожидал, с командиром 227-й стрелковой дивизии мы легко договорились о совместных действиях против Рубежного. 8 марта занимались перегруппировкой. На следующий день, начав наступление, заняли лишь пятнадцать хат в Рубежном, но к двенадцати часам следующего дня с помощью двух танков дошли до середины села.

Когда мы дрались у церкви, я, находясь в то время в ста метрах от нее, получил неожиданную и чувствительную пощечину. Мне принесли два документа за подписью Военного совета армии, в которых явно несправедливо оценивались действия нашей дивизии.

Наскоро ознакомившись с этими документами, я вернул их привезшему и приказал ему ехать обратно. Перебирая в памяти только что прочитанное, я вспомнил и вопрос: “Кому служите?” Но от мыслей об этих незаслуженных оскорблениях меня отвлекли вражеские пули и снаряды.

Вечером я донес о результатах двухдневного наступления

и потерях. При этом обратил внимание командующего на то, что до нашей дивизии здесь десять дней подряд вели наступление другие соединения и ничего не добились. Отсюда сам собою напрашивался вывод о нецелесообразности дальнейших атак на этом направлении. Но в тот же вечер мы получили приказ, в котором снова в грубой форме обвинялись в якобы неправильных действиях».

Одна из самых честных книг воспоминаний военачальников о войне, рукопись Горбатова не могла безболезненно пройти военную цензуру и, конечно же, миновать мемуарную группу Главного политуправления. В 1964 году «Новый мир» опубликовал журнальный вариант воспоминаний А.В. Горбатова, получивший с легкой руки Твардовского название «Годы и войны». В 1965 году эту книгу издал Воениздат. Несмотря на огромный читательский успех книги, переиздана она была только в 1989 году.

В самом первом издании книги «Годы и войны» командарм К.С. Москаленко был назван без указания фамилии, просто «командармом». И, видимо, в том числе потому, что маршал Москаленко тогда возглавлял Главную инспекцию Министерства обороны, был заместителем министра обороны СССР.

Вот как выглядит следующий отрывок из книги генерала армии Горбатова с купюрами:

«В тот же вечер я позвонил Маршалу Советского Союза Тимошенко и попросил его вызвать меня к себе вместе

с командармом, чтобы в его присутствии объясниться. Через несколько дней, отправившись к главкому, я взял с собой семь приказов, выпущенных штабом армии за последние десять дней, в которых все командиры и комиссары дивизий получили взыскания. Иные из них за этот период имели уже до четырех взысканий и предупреждений.

Решил рассказать Военному совету фронта все по порядку, начиная с бесцельных, непрерывных атак на одни и те же пункты в течение десяти—пятнадцати дней при больших потерях.

Главком выслушал меня очень внимательно и, обращаясь к командарму, сказал:

– Я же вас предупреждал, что грубость ваша недопустима, но вы, как видно, не сделали нужного вывода. Надо с этим кончать.

А мне он посоветовал не горячиться, расспросил о состоянии дивизии и разрешил ехать к себе.

За все это время командарм не сказал ни слова. Когда я уезжал, он остался у главкома. О чем они говорили – гадать не берусь. Однако после этого объяснения оскорбительных приказов стало заметно меньше».

А вот что писал А.В. Горбатов в подлиннике, которому бояться уже было нечего да и некого:

«Решил рассказать Военному совету фронта все по порядку, начиная с бесцельных, непрерывных атак на одни и те же пункты в течение десяти—пятнадцати дней при больших

потерях.

Когда я вошел к маршалу Тимошенко, в комнате были член Военного совета Н.С. Хрущев, начальник штаба И.Х. Баграмян и командующий 38-й армией К.С. Москаленко. После того, как я представился и поздоровался, главнокомандующий юго-западным направлением Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко спросил меня:

– Ну, рассказывайте, что вы там не поделили?

Доведенный оскорблениями до белого каления, в запальчивости я, показывая рукой на командарма, ответил:

– Это не командарм, это бесплатное приложение к армии, бесструнная балалайка.

Ко мне подошел Н.С. Хрущев и, положив на мое плечо руку, укоризненно сказал:

– Товарищ Горбатов, разве можно так говорить о командарме, да еще во время войны?

– Товарищ генерал, – ответил я Хрущеву, – прошу меня извинить за резкость, но то, что я сказал, я доложил Военному совету фронта в присутствии командарма, а не шепотом на ухо кому-то на базаре.

Хрущев посмотрел на главкома, а затем вновь с вниманием выслушал мои взволнованные слова:

– Больше терпения нет, товарищ член Военного совета. Я сказал то, что думаю. За 5 дней наши дивизии захватили не одну сотню пленных, десятки орудий и минометов, и все потому, что действовали по своей инициативе, вопреки при-

казам командарма. Все руководство командарма заключается в самом беспардонном отношении к подчиненным. Мы только и слышим: “Гитлеру помогаешь, фашистам служишь, предатель!” Надоело слушать и бесконечную брань. Неужели командарм не понимает, что своим повелением не мобилизует подчиненных, а только убивает их веру в свои силы? Подобные оскорбления я слышал в Лефортовской тюрьме от следователя и больше слушать не хочу. Сначала я думал, что командарм позволяет себе так разговаривать только со мной, недавно прибывшим с Колымы. Но это трафарет и применяется к каждому из подчиненных. Все мы честно служим и будем служить нашей Родине и партии, но незаслуженная ругань на любого человека действует отвратительно. Прошу оградить от нее, так как она наносит колоссальный урон нашему делу.

Главком выслушал меня очень внимательно и, обращаясь к командарму, сказал:

– Я же вас предупреждал, что грубость ваша недопустима, но вы, как видно, не сделали нужного вывода. Надо с этим кончать...» (А.В. Горбатов. Годы и войны. Записки командарма. 1941—1945.)

Не всегда правда на этой земле торжествует. Но Александру Васильевичу Горбатову крупно повезло. На его пути оказывались люди, которые увидели в нем честного человека и грамотного военачальника. И эти люди не дали его в обиду. В армии вообще, а на войне в частности, нередко трудно

найти правду. И там с избытком хватает чинуш и карьеристов в самом плохом понимании этих слов. Однако во все времена судят по делам. А.В. Горбатов с 3 июня 1943 года и до самого конца войны успешно командовал 3-й армией. Летом 1944 года ему было присвоено воинское звание «генерал-полковник», а в апреле 1944-го его удостоили звания Героя Советского Союза.

Кирилл Семенович Москаленко также закончил войну в звании генерал-полковника. Точно также командующим армией и Героем Советского Союза. Но между этими людьми легла целая пропасть...

Даже в наградном листе командующий войсками 1-го Украинского фронта И.С. Конев подчеркивал, что командующий войсками 38-й армии «генерал-полковник Москаленко – волевой и решительный командир. Много работает, не считаясь со временем и своим здоровьем. Тактически грамотен. Лучше умеет наступать, чем обороняться. При осложнении обстановки мало устойчив...»

Об Александре Васильевиче Горбатове в наградных представлениях вы таких слов не найдете!

5

В своих воспоминаниях, широко известных под названием «Время. Люди. Власть», Н.С. Хрущев, видимо, совершенно случайно коснулся и военных мемуаров. Запись была сде-

лана на магнитофонную пленку в 1969 году, а сама книга появится лет через тридцать.

Никита Сергеевич в отличие от других чаще говорил то, что думает. И в этой записи он откровенен, может быть, как никогда:

«Несколько дней назад я совершенно случайно встретился с Иваном Христофоровичем Баграмяном. Мне было очень приятно его повидать. Ведь я уже много лет не видел его. Накоротке мы обменялись с ним различными мнениями. Неожиданно он поднял вопрос о книге мемуаров Жукова, высказал ряд замечаний и заявил, что в ней допущены очень большие искажения и отступление от истины. Тут же он сказал, что написал воспоминания и маршал Москаленко, причем написал просто гадкую книгу. Я не стал его спрашивать и как-то уточнять, в чем же выражается эта гадость. Но вообще-то Москаленко может такое сделать. Я его знаю и с хорошей, и с плохой стороны. С хорошей знаю в том смысле, что он человек, преданный делу, воевал неплохо, проявлял настойчивость и энергию, не щадил себя. Плохие его стороны – нервозность, неуравновешенность, вспыльчивость, грубость, даже больше, чем грубость. Оскорбления, которые он наносил своим подчиненным, всем известны. Люди, которые находились у него в подчинении, неоднократно жаловались мне на то, что он груб, оскорбляет их. Вот его обычный лексикон: “Враг народа! Предатель! Подлец! Судить надо! Расстрелять надо!” Это человек настроения, ко-

торый очень поддается влиянию. Он на все способен. Особенно если почувствует, что это выгодно для него, что такая гадость как-то оплачивается, то он пойдет на нее.

Его беспринципность особенно поразила меня во время истории с отставкой Жукова в 1957 году. Я с доверием относился к Жукову во время войны и многое сделал для поднятия его репутации и авторитета в глазах Сталина. Когда в 1957 г. обсуждался вопрос о пресечении попытки Жукова организовать военный путч с целью захвата власти в руки военной хунты, то Москаленко активно выступал с обвинениями в адрес Жукова. Уже не на общем заседании пленума ЦК КПСС, а в более узком кругу лиц, когда Москаленко со страстью обвинял Жукова за поползновение к захвату власти, а Жуков с его солдатской грубостью, с его солдатской прямоотой (а я верю Жукову, что он сказал правду) бросил ему: “Что ты меня обвиняешь? Ты же сам не раз мне говорил: чего смотришь? Бери власть в свои руки, бери!”

Когда я услышал это, то был поражен. Такого я никак не ожидал от Москаленко. Жукову не было смысла лгать. Да и Москаленко никак не смог парировать такое серьезное обвинение, фактически в государственной измене. Когда я рассказал об этом Малиновскому, Малиновский по собственной инициативе внес предложение об освобождении Москаленко от занимаемых постов.

Но я сказал: “Родион Яковлевич, вряд ли нужно так поступать. Это же Москаленко! Если будет нормальная обста-

новка (а я был уверен, что она нормализуется), то Москаленко станет честно выполнять свои обязанности...»

Это я рассказал, чтобы показать, кто есть Москаленко. Существуют несколько Москаленко. Один – это генерал, который честно командовал войсками, попадая во всевозможные переплеты на первом этапе войны. Затем он командовал армией, и его активная роль была заслуженно отмечена. Я лично вносил предложение о присвоении ему, уже после смерти Сталина, звания Маршала Советского Союза. Другой Москаленко – настоящий истерик. Я уже рассказывал анекдотический случай, как при нашем отступлении его выгнала колхозница из своего коровника, где он прятался, переодевшись в крестьянскую свитку, и он, сам украинец, выступил после этого против украинцев, кричал, что все они предатели и всех их надо выслать. Вот неуравновешенность этого человека.

А есть и третий Москаленко – приспособленец, алогичный и беспринципный человек. Таким он показал себя в деле с Жуковым. Но в чем конкретно выражалась та гадость, о которой говорил Баграмян, я не знаю».

6

Находясь в одном кабинете и сидя напротив друг друга, два полковника не только занимались каждый своей работой, но и, конечно же, беседовали. Александр Захарович

прекрасно знал, что Иван Дмитриевич готовит рукопись второй книги мемуаров маршала Москаленко. Для этого он работал с архивными материалами из ЦАМО по 38-й, 27-й и 40-й армиям и Воронежского, а после 1-го Украинского фронта. И вполне естественно, что даже, несмотря на их секретность, в порядке исключения некоторые оперативные документы фронта и армий хранились в его сейфе.

Бывало, Иван Дмитриевич отвлечется от своей кропотливой работы и поинтересуется у Александра Захаровича:

– Саша, а ты, случаем, не помнишь погоду и проходимость дорог в те дни?

А речь шла как раз о тех днях, когда стрелковая дивизия Александра Захаровича, в одном из полков которой он был помощником начальника штаба, участвовала в зимнем наступлении 1944 года, которое оказалось для нее катастрофическим.

Отвечая на некоторые специфические вопросы Ивана Дмитриевича, Александр Захарович, кроме погоды и проходимости дорог, рассказывал летописцу маршала и многие другие вещи, о которых не мог забыть до самой своей смерти.

Надо сказать, отличался полковник не только прекрасной памятью, но и прекрасными способностями рассказчика.

– Наша 38-я стрелковая дивизия в первый бой после переформирования пошла под Сумами в 1943 году. Требовалось прорвать немецкую позиционную оборону на второстепен-

ном направлении. Наступали без артиллерии РГК, без танков и авиации. После 15-минутного артоналета. За два дня безуспешных действий двух полков (третий был в резерве комкора) мы потеряли убитыми 431 человека и ранеными 1516, из них 285 офицеров...

...В ночь с 23 на 24 сентября 1943 года дивизия успешно форсировала Днепр и захватила плацдарм в районе большой излучины, который стал именоваться Букринским. Сначала всех офицеров наградили орденами, а солдат и сержантов орденами и медалями. Потом приказ: представить 50 человек к званию Героя Советского Союза. Представляем, конечно, тех, кто отличился и уже был награжден. Но командарм дает геройство только 16, а остальных снова награждает орденами Красного Знамени или Отечественной войны 2-й степени (теперь уже вторично). Таков был «размах». Всех отметили, кроме... командира дивизии и начальника штаба. Хотя оба они переправлялись с полками на плацдарм. У нас там за 40 суток боев только погибших было свыше 300 человек...

...4 ноября нашу дивизию вывели из боя, дали пополнение, переодели в зимнее обмундирование... и тут же приказали всю пехоту передать в другие дивизии, а нас вернули на левый берег на доукомплектование. Но взят Киев, и нас снова переправляют на западный берег и сажают в оборону без стрелков и пулеметчиков. Офицеры подстелили на снег соломки, установили пулеметы и «обозначили» оборону.

9 ноября – приказ: мобилизовать всех военнообязанных в прилегающих селах, вооружить и в своей одежде отправить в окопы... Кто и о чем думал, когда приказывал передать личный состав 38-й сд в другие дивизии, а затем так ее пополнять? Загадка до сегодняшнего дня.

– И что же дальше? – заслушавшись собеседника, спросил Иван Дмитриевич.

– А дальше было следующее. 28 декабря 38-я сд участвует в наступлении. Только в одном нашем полку были убиты 75 и ранены 265 человек. Жены и родственники тут же собрали тех и других на саночки и увезли по домам, многих даже в своих жупанах. Погибших хоронили на родных погостах, раненых лечили местные врачи. Справа танковые части пробиваются с боями на Белую Церковь, а мы слева обеспечиваем их фланг. День лежит наша пехота на снегу, а немцы ведут огонь по ней из окон и с крыш хат. Ночью они отходят на новый рубеж, а мы за ними. Так и догоняли, более ста километров...

На этом рассказчик на мгновение замолк, посмотрел на свои часы и улыбнулся.

– Пора, Иван, собираться по домам, а то что-то мы засиделись.

К.С. Москаленко «На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма», вышедшей в издательстве «Наука» в 1969 году, есть введение. А в нем, словно в ларце, перечислены все те, кто принимал участие как в ее написании, так и в ее подготовке к выходу в свет:

«Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность за помощь в подготовке этой книги полковнику И.Д. Фосту, генералам и офицерам Военно-научного управления Генерального штаба, Отдела печати Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, Архива Министерства обороны СССР, а также за техническую работу – полковнику П.В. Капитанову, М.М. Афанасьевой и Т.В. Каретниковой».

Неоднократно перечитывая весь список, лично я не нахожу всего одной фамилии...

8

Письмо Маршалу Советского Союза К.С. Москаленко:

«Дорогой Кирилл Семенович, прошу великодушно извинить меня за то, что я так задержал обещанное. Единственная причина – то, что я никак не мог кончить свою книгу из-за огромного объема работы. Каждую неделю казалось, что вот-вот кончу, а практически кончил только три дня назад и лишь после этого сумел сделать обещанное.

Хочу сказать о том, что я сделал и чего не сделал.

В данном случае речь в Вашей работе идет о событиях, которых я самостоятельно не изучал и о ходе которых собственного представления у меня не сложилось. Поэтому я видел свою задачу единственно в том, чтобы в меру своих сил помочь Вам в качестве, если так можно выразиться, литературного редактора. Я с пером в руке прошелся по Вашей рукописи с точки зрения стилистической, имея в виду, что она адресована не только военным специалистам, но и более широкому кругу читателей.

Собственно говоря, Ваша работа распадается на три части. Первая часть. – введение и заключение – связана с общими концепциями предвоенной и военной обстановки и роли Сталина. Вторая часть – история первых боев Вашей бригады – тяготеет к мемуарному жанру. Третья часть – история киевского окружения – представляет собой скорее оперативный очерк событий с использованием целого ряда необыкновенно интересных и значительных документов.

[...]

Работу я Вашу читал с большим интересом. Конечно, многое, связанное с киевским окружением, читать тяжело. Но тут без правды не обойдешься. Да и вообще в конечном итоге нигде и ни в чем не обойдешься без правды. И этой правдой мне и дорога прежде всего Ваша работа. Поэтому я и рад был оказаться Вам хоть в какой-то мере полезным как литератор. Считаю товарищеским долгом высказать Вам некоторые возникшие у меня сомнения и вопросы.

Первое. Документы, связанные с Шапошниковым, конечно, говорят об очень большой мере его ответственности за все случившееся под Киевом. Но для меня лично остается открытым вопрос – состоит ли его ответственность в том, что он сам был от начала и до конца яростным противником отвода войск из киевского мешка, или его ответственность состоит в том, что он целиком подчинил свою волю и свои взгляды на эту проблему воле и взглядам Верховного Главнокомандующего и как начальник Генерального Штаба не сумел убедить Верховного Главнокомандующего в неправомерности принимаемых решений.

У Вас получается, что вроде бы Сталин в этом вопросе поддался Шапошникову. Не располагаю возможностью доказать обратное, в то же время психологически чувствую, что тут что-то не так. Сталин поддался Шапошникову – мало вероятно. Шапошников поддался Сталину – это более психологически вероятно.

Второе. Почему Тимошенко столь ответственное решение, как решение на отвод войск Юго-Западного фронта, передал Кирпоносу в устной форме через Баграмяна? Вы этого не объясняете. Думая над этим, я пришел к предположению, что, может быть, имея абсолютно жестокую директиву Сталина, запрещавшую еще и тогда, 16 сентября, отход войскам Юго-Западного фронта, а в то же время понимая, что каждый час промедления гибелен, Тимошенко, не решившись дать письменную директиву, прямо противоположную

директиве Ставки, дал устный приказ Кирпоносу делать то, что все равно придется делать, но не стал закреплять этот приказ в документе.

Может быть, это и не так, но у меня рождается именно такое предположение. В этих условиях, когда командующий направлением, имея полную возможность отдать письменный приказ на отход, отдает вместо него устный, Кирпоносу, конечно, требовалось огромное гражданское мужество для того, чтобы выполнить этот устный приказ, учитывая все предыдущие запреты отхода, шедшие от Ставки.

На фоне всех тех документов, которые Вы приводите, на фоне всего того страшного нажима Ставки на Кирпоноса, который был до этого, запрос Кирпоноса в Ставку после получения устного приказа от Тимошенко кажется мне, в общем-то, естественным. Кирпонос всеми предыдущими приказами Ставки был буквально загнан в такое положение, когда ему пришлось запрашивать. Я решил поделиться с Вами этими моими читательскими недоумениями и размышлениями потому, что они, видимо, могут возникнуть и у других читателей.

Буду очень рад, если моя скромная литературная помощь в какой-то мере окажется полезной для Вас.

Жму Вашу руку.

14 июня 1966 год

Ваш Константин Симонов».

Теперь, я думаю, понятно, почему маршал И.Х. Баграмян назвал книгу маршала К.С. Москаленко «гадкой».

Во-первых, это касается тех самых вопросов, о которых в письме к Москаленко высказал свои сомнения К. Симонов.

Во-вторых, кому, как не Ивану Христофоровичу было знать всю правду случившегося под Киевом. Выпускник Военной академии им. М. Фрунзе и Академии Генштаба, с июня по декабрь 1941 года полковник (затем генерал-майор) Баграмян был заместителем начальника штаба и начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта.

А Москаленко – всего лишь командиром 1-й артиллерийской моторизованной противотанковой бригады РГК (апрель—август 1941 г.) и командиром стрелкового корпуса (август—сентябрь 1941 г.). Да, собственно, и книгу писал другой человек, далекий от тех трагических событий.

Глава 2

Ставка и штаб 1-го украинского фронта зимой 1943—1944 гг.

1

Чтобы более или менее понять ту ситуацию, о которой мы будем говорить несколько позднее, необходимо остановиться на той обстановке, которая складывалась зимой 1943—1944 гг. на южном крыле советско-германского фронта. И, конечно же, о планах сторон.

С этой целью для начала откроем воспоминания Маршала Советского Союза А.М. Василевского:

«Освобождение Правобережной Украины осуществлялось в ходе восьми операций, первые шесть из которых были связаны единым стратегическим замыслом и с военными действиями на других фронтах: Житомирско-Бердичевская (с 24 декабря 1943 года по 15 января 1944 года), Кировоградская (с 5 по 16 января), Корсунь-Шевченковская (с 24 января по 17 февраля 1944 года), Ровно-Луцкая (с 27 января по 11 февраля), Никопольско-Криворожская (30 января—29 февраля), Проскуровско-Черновицкая (с 4 марта по 17

апреля), Уманско-Ботошанская (с 5 марта по 17 апреля) и Березнеговато-Снегиревская (с 6 по 18 марта). Так сложилась в целом стратегическая операция при разгроме вражеских войск на всем южном крыле советско-германского фронта, при создании условий для полного изгнания оккупантов с Украины. Дополняла их Одесская наступательная операция (с 26 марта по 14 апреля), практически совпадавшая с ними по времени, но достаточно самостоятельная по своей организации и проведению в жизнь. Наконец, когда все они уже были завершены либо близились к этому, началась Крымская операция (с 8 апреля по 12 мая). Крупнейшими из указанных операций зимой и весной 1944 года были Корсунь-Шевченковская и Крымская; превосходить их могла лишь только Ленинградско-Новгородская операция, вошедшая в историю под названием “Первый удар”.

Сделаю оговорку. В свое время было принято называть главные наши операции 1944 года на советско-германском фронте “десятью ударами”. Соответственно, освобождение Правобережной Украины в феврале—марте 1944 года именовалось “Вторым ударом”, Крымская – “Третьим”. И хотя позже эти названия вышли из употребления и помнит их лишь старшее поколение советских граждан, я считаю возможным напомнить о старой терминологии. (...)

Директивами Ставки предусматривалось вначале разгромить противника в восточных районах украинского Правобережья, окончательно отбросить его от Днепра и выйти на

рубеж Южного Буга (до Первомайска) и реки Ингулец (от Кривого Рога до устья).

В дальнейшем, развивая наступление, выйти на линию Луцк, Могилев-Подольский, Днестр; одновременно ликвидировать крымскую группировку врага и освободить Крым.

Конкретно фронтам приказывалось: 1-му Украинскому (Н.Ф. Ватутин) – нанести главный удар на Винницу и Могилев-Подольский, частью сил на правом крыле фронта – на Луцк, а на левом – на Христиновку, чтобы совместно с войсками 2-го Украинского фронта окружить и уничтожить сильную корсунь-шевченковскую фашистскую группировку, удерживавшую каневский выступ; 2-му Украинскому (И.С. Конев) главный удар намечалось нанести на Кировоград, Первомайск и частью сил на Христиновку. Ближайшая задача – совместно с войсками левого крыла 1-го Украинского фронта разгромить врага, оборонявшего каневский выступ. Не снималась с него и поставленная ранее Ставкой задача – содействовать 3-му Украинскому фронту в разгроме противника у Кривого Рога. Решению этой задачи Верховный Главнокомандующий придавал важное значение в связи с огромной экономической ролью Криворожского промышленного района. 3-й (Р.Я. Малиновский) и 4-й (Ф.И. Толбухин) Украинские фронты должны были, действуя по сходящимся направлениям, ликвидировать никопольско-криворожскую группировку врага, в дальнейшем, развивая наступление на Первомайск, Николаев и Одессу,

освободить все наше Черноморское побережье. Одновременно 4-му Украинскому фронту предстояло освободить Крым. С этой целью привлекались также Отдельная Приморская армия, сформированная 15 ноября 1943 года из соединений Северо-Кавказского фронта, Черноморский флот, Азовская военная флотилия и партизанские отряды Крыма.

Эти планы опирались на прочную реальную основу. Крупные победы, одержанные осенью 1943 года, ярко демонстрировали возросшую мощь Советских Вооруженных Сил. Повысилась маневренность войск, улучшилось управление ими, выросла ударная и огневая сила. То, чем мы располагали в третью военную зиму, стояло качественно несравнимо выше того, что мы имели в начале войны. Огромный боевой опыт накопил Генеральный штаб. В начале 1944 года отдел по использованию опыта войны был преобразован в управление. Непрестанно разрабатывались пособия для офицеров, памятки воину, выпускались сборники теоретических статей по отдельным проблемам, в которых анализировалось все лучшее, достигнутое советскими войсками, становясь затем общим достоянием. 4,2 млн человек – такова цифра пополнения, пришедшего в действующую армию в 1944 году».

2

В «Воспоминаниях и размышлениях» Маршал Советского Союза Г.К. Жуков пишет:

«Для более детального ознакомления с положением на фронтах, рассмотрения и уточнения плана дальнейших наступательных операций в середине декабря я был вызван в Ставку. Прибыл и А.М. Василевский, с которым мы встретились в Генштабе и сразу же обменялись мнениями об итогах 1943 года и перспективах на ближайший период.

Александр Михайлович выглядел усталым. Ему, как и мне, пришлось, начиная с апреля, почти непрерывно находиться в движении – то в полетах, то в поездках по фронтовым дорогам. Обстановка в это время была довольно сложная, напряженная и изобиловала чрезвычайно острыми сменами больших успехов и досадных неудач. Все это, вместе взятое, плюс систематическое недосыпание, физическое и умственное перенапряжение особенно сказывались тогда, когда мы оказывались в Москве, в тиши кабинетов, где не слышно было ни налетов авиации, ни артиллерийских обстрелов, ни тревожных докладов с опасных участков фронтов.

На декабрьском совещании в Ставке присутствовали большинство членов Государственного Комитета Обороны. Скорее, это было расширенное заседание Государственного Комитета Обороны с участием некоторых членов Ставки Верховного Главнокомандования.

Совещание было довольно длительным. В обсуждении итогов и опыта борьбы на фронтах, а также оценки обстановки и перспектив войны приняли участие А.М. Василевский

и А.А. Антонов. По вопросам экономики и военной промышленности докладывал Н.А. Вознесенский. О проблемах международного характера и возможности открытия второго фронта говорил И.В. Сталин. (...)

В результате глубокого и всестороннего анализа обстановки Ставка решила в зимнюю кампанию 1944 года развернуть наступление от Ленинграда до Крыма включительно.

При этом главные наступательные операции имелось в виду провести на юго-западном театре военных действий, с тем чтобы прежде всего освободить Правобережную Украину и Крым. Было решено полностью освободить Ленинград от блокады и отбросить врага за пределы Ленинградской области. На северо-западном направлении войска должны были выйти к границам прибалтийских республик. Западному направлению ставилась задача возможно большего освобождения территории Белоруссии.

Планируя действия советских войск на зиму 1944 года, имелось в виду главные средства и силы сосредоточить на 1, 2, 3-м и 4-м Украинских фронтах, чтобы создать там более значительное превосходство над противником и в короткие сроки разгромить войска групп армий “Юг” и “А”».

3

Сегодня существуют совершенно противоположные мнения о роли Г.К. Жукова в Великой Отечественной войне.

Однако, заглядывая в хронику деятельности Маршала Советского Союза в эти годы, невозможно отрицать его важную роль в планировании и осуществлении стратегических замыслов в период 1941—1945 гг. Об этом говорят следующие факты.

С 24 сентября по 29 сентября 1943 года работал в Ставке ВГК в Москве.

С 27 сентября по 3 декабря координировал действия Центрального (с 20 октября – Белорусского) и Воронежского (1-й Украинского) фронтов по разгрому киевской группировки противника и овладению городом Киев.

1 октября – в штабе Воронежского фронта.

2 октября – утром выехал на Центральный фронт в 60-ю и 13-ю армии.

2—3 октября – на Центральном фронте.

5 октября – на Воронежском фронте в 27-й армии.

7—8 октября – в штабе Воронежского фронта.

8 октября – на Воронежском фронте в 27-й армии, в 3-й гвардейской танковой армии.

10 октября – в 40-й и 27-й армиях, в 4-й и 3-й гвардейских танковых армиях.

11 октября – в 38-й армии.

17 октября – в штабе Воронежского фронта.

23 октября – на 1-м Украинском фронте и в 38-й армии.

25 октября – переезд к Коневу (2-й Украинский фронт).

27 октября – в армиях 2-го Украинского фронта.

28 октября – 2 ноября – на 1-м Украинском фронте.

2 ноября – переезд на 2-й Украинский фронт, в 7-й и 37-й армиях и 5-й гвардейской танковой армии.

3 ноября – в 37-й и 7-й гвардейской армиях.

5 ноября – на 1-м Украинском фронте в 38-й армии.

6 ноября – был в Киеве.

12—13 ноября – на 1-м Украинском фронте в 3-й гвардейской танковой армии.

С 4 по 12 декабря работал в Ставке ВГК в Москве.

С 12 по 31 декабря работал на 1-м и 2-м Украинских фронтах.

16 декабря – на 1-м Украинском фронте.

17 декабря – в 18-й Воздушной армии, 38-й армии, в 3-й гвардейской и 1-й танковых армиях на 1-м Украинском фронте.

22 декабря – на 1-м Украинском фронте в 38-й армии.

С 1 января по 18 февраля 1944 года координировал действия 1-го и 2-го Украинских фронтов.

2 января – в 17.45 на 2-й Украинском фронте.

3 января – в 5-й гвардейской армии.

7 января – в 17.00 на 1-м Украинском фронте.

Вот как описывает свое прибытие на подопечный фронт сам Георгий Константинович:

«Сначала я решил поехать на 1-й Украинский фронт, чтобы передать решение Ставки и помочь спланировать предстоящие действия войск.

Н.Ф. Ватутин, как я уже говорил, был прекрасный штабист. Он обладал завидной способностью коротко и ясно излагать свои мысли и к тому же имел на редкость красивый и четкий почерк. Большинство важных приказов, директив и донесений Верховному Главнокомандованию он писал сам. Я как раз застал его за составлением директивы о переходе в наступление главной группировки войск фронта в общем направлении на Винницу.

Николай Федорович работал в жарко натопленной хате, накинув на себя теплую бекешу. Посмотрев на него, я понял, что ему явно нездоровилось.

Коротко познакомив Н.Ф. Ватутина с решением Ставки о развертывании действий на ближайший период и заслушав его последние коррективы к плану действий войск фронта, я посоветовал ему принять что-нибудь и сейчас же лечь, чтобы быть вполне работоспособным к началу наступления. Он согласился.

Выпив стакан крепкого чая с сушеной малиной и приняв пару таблеток аспирина, Николай Федорович ушел к себе в комнату. Мы с начальником штаба А.Н. Боголюбовым направились в оперативный отдел штаба, чтобы еще раз как следует разобраться в обстановке и проверить готовность войск к действиям.

Не прошло и десяти минут, как раздался телефонный звонок. А.Н. Боголюбов взял трубку. Звонил Н.Ф. Ватутин, приглашая его зайти. Я решил пойти вместе с А.Н. Боголюбо-

вым. И мы вновь увидели Н.Ф. Ватутина за рабочей картой предстоящего наступления.

– Мы же договорились, что вы пойдете отдохнуть, а вы опять за работой?

– Хочу написать донесение в Ставку о ходе подготовки к наступлению, – ответил Николай Федорович.

Насильно выпроводив его из рабочей комнаты, я предложил все необходимое выполнить начальнику штаба, тем более что это была его прямая обязанность. (...)

1-му Украинскому фронту в то время противостояла группировка противника в составе 30 дивизий, в том числе 8 танковых и одной моторизованной. Командовал войсками генерал танковых войск Э. Раус. Вражеское командование все еще мечтало ликвидировать советские войска, овладев большим плацдармом западнее Днепра и Киевом.

Во второй половине ноября противник, как я уже говорил, захватил Житомир и неоднократно пытался опрокинуть соединения 1-го Украинского фронта и прорваться к Киеву. Но эти настойчивые попытки не увенчались успехом. Больше того, в результате своих безрассудных действий немецкие войска понесли колоссальные потери, которые в отдельных дивизиях доходили до 60—70 процентов личного состава и материальной части. В результате истощения сил и средств гитлеровское командование прекратило наступление, но все еще не отказывалось от намерения вновь захватить Киев и выйти на Днепр. Ставка Верховного Главноко-

мандования потребовала от 1-го Украинского фронта подготовить и провести Житомирско-Бердичевскую операцию по разгрому противостоящей 4-й танковой армии противника и отбросить ее к Южному Бугу. На усиление 1-го Украинского фронта Ставкой были переданы 18-я, 1-я танковая армия, 4-й гвардейский и 25-й танковые корпуса.

К началу решающих операций 1-й Украинский фронт имел 1-ю гвардейскую, 13, 18, 27, 38, 40 и 60-ю общевойсковые армии, 1-ю и 3-ю гвардейские танковые армии. Всего 63 стрелковые дивизии, 6 танковых, 2 механизированных корпуса, 3 кавалерийские дивизии.

Замысел наступательной операции войск фронта был таков: разгромить противника в районе Брусилова и выйти на рубеж Любар – Винница – Липовая.

60-я армия генерала И.Д. Черняховского, усиленная 4-м гвардейским танковым корпусом, имела задачу наступать из района Малина и выйти на реку Случь на участке Рогачев – Любар. 13-я армия генерала Н.П. Пухова получила задачу наступать в направлении Коростень—Новоград-Волинский. 40-я и 27-я армии наносили удар на Белую Церковь и далее на Христиновку, где и должны были соединиться с войсками 2-го Украинского фронта.

Поддержку войск фронта с воздуха осуществляла 2-я воздушная армия генерала С.А. Красовского.

Утром 24 декабря после 50-минутной артиллерийской и авиационной подготовки войска главной группировки фрон-

та перешли в наступление. Оборона противника не выдержала удара наших войск, и немецкие войска начали отход. В связи с создавшимися благоприятными условиями во второй половине дня были введены в дело 1-я и 3-я гвардейские танковые армии. К исходу 30 декабря фронт прорыва расширился до 300 километров, а глубина его достигла 100 километров. Были освобождены Коростень, Брусиллов, Казатин, Сквиря и много других городов и населенных пунктов.

Наступавшие войска завязали бой на подступах к Житомиру, Бердичеву, Белой Церкви. Немецкому командованию пришлось принимать экстренные меры, чтобы закрыть образовавшуюся брешь, для чего сюда было переброшено 12 дивизий из других групп армий (“Север”, “Центр” и групп армий “А”).

31 декабря был вновь освобожден Житомир. Развернулись тяжелые бои за Бердичев – крупный узел железнодорожных и шоссейных коммуникаций. Здесь действовали войска 1-й танковой армии генерала М.Е. Катукора и 18-я армия генерала К.Н. Леселидзе. Ввиду слабой организации боя 1-я танковая армия понесла потери, успеха не добилась, и лишь 5 января, после вмешательства Н.Ф. Ватутина, Бердичев был освобожден».

4

Но вернемся к мемуарам Маршала Советского Союза

А.М. Василевского:

«На южном крыле советско-германского фронта гитлеровцы имели в начале 1944 года одну из своих наиболее крупных стратегических группировок. Против четырех советских Украинских фронтов на участке от реки Припять до берегов Черного моря действовали: группа армий “Юг” генерал-фельдмаршала Манштейна (4-я и 1-я танковые, 8-я и 6-я полевые армии) и группа армий “А” генерал-фельдмаршала Клейста (3-я румынская и 17-я немецкая армии, 44-й немецкий отдельный армейский корпус. Эти войска поддерживались авиацией 4-го воздушного флота. Всего в обеих группах было 1,76 млн солдат и офицеров, 16 800 орудий и минометов, 2200 танков и штурмовых орудий, 1460 самолетов. По строжайшему приказу Гитлера они любой ценой должны были удержать за собой богатейшие хлебные районы Правобережной и западных областей Украины, Никополь с его предприятиями по добыче и переработке марганца, Криворожский бассейн, богатый железной рудой, и Крым, прочно прикрывая коммуникации южного крыла германо-советского фронта. Гитлеровское командование еще надеялось на восстановление своей обороны и по Днепру. Вот почему оно с таким упорством стремилось удержать за собой корсунь-шевченковский плацдарм, выгодный для нанесения флангового удара как по левому крылу 1-го Украинского, так и по правому крылу 2-го Украинского фронтов, а также плацдарм южнее Никополя, который прикрывал Кри-

вoroжский бассейн и позволял нанести удар на Мелитополь по тылу 4-го Украинского фронта и пробиться к крымской немецко-румынской группировке».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.